

сентябрь - 1998 - июль - с. 10

Понедельник, 1 июля, 1996

Владимир Паперный.

Хроника одного притворства

Людмила Лунина

1959

— Мое амплуа состоит в том, что я притворяюсь кем-то — слесарем, историком архитектуры, графическим дизайнером. И, надо сказать, иногда неплохо получается.

Самая первая профессия — актер. Будучи еще в школе, я снялся у Анатолия Эфроса в фильме «Високосный год». Главную роль играл Смоктуновский. Я же был мальчиком, отец которого, кристально чистый коммунист, в конце концов становится растратчиком. Мой герой переживал страшную трагедию.

Но актером я так и не стал. Бессмысленное занятие. Особенно в кино. Два шага вправо, три влево. Чувствуешь себя марионеткой.

1962

— Мучительный подростковый возраст. Родители со мной исстрадались, учиться я не хотел. Вместо этого вел безумную жизнь, полную драматических романов.

Решил заняться звукозаписью. Меня устроили в Дом радиовещания. Это был почти закрытый объект — передачи-то шли в прямом эфире. У входа дежурили милиционеры и человек пятнадцать в штатском. А я захотел показать студию двоюродному брату. Нас словили на проходной, скрутили, как диверсантов, учинили допрос. Когда наконец поняли, что мы всего лишь два идиота, меня понизили в должности и отправили в слесарную мастерскую. Освоил токарный станок, занялся кузнечным делом и в 1964 году поступил в Строгановский институт на отделение «Художественнаяковка металла», а после первого курса перевелся на промышленный дизайн.

1969

— После института оформлял Анатолию Эфросу спектакли. Анатолий Васильевич был человеком очень талантливым, но совершенно безграмотным. С одной стороны, это давало большие преимущества. У него была радость первооткрывателя. Он читал «Женитьбу», приходил в страшное возбуждение и ее как-то интересно ставил. Но художнику с ним было крайне трудно.

Ладно — Боровский, он признанный авторитет. Со мной же Анатолий Васильевич не церемонился. «Вот я, — говорит, — смотрю на то, что ты мне принес, и в груди ничего не шевелится». Однажды у меня в руках оказался бронзовый колокольчик. «Здесь, — объясняю я Эфросу, — мы повесим зеркало в бронзовой раме. Цвета, как у этого колокольчика». И поставил в макет колокольчик. «Ну-ка убери руку. Вот теперь у меня шевелится». И не позволил изменить в макете ничего, даже случайных отломанных кусков.

1970

— После Строгановки работал в Институте технической эстетики (ВНИИТЭ). Мне предложили написать диссертацию «Дизайн средств помощи при ликвидации последствий стихийных бедствий». А почему бы нет, подумал я. Последствия стихийных бедствий. Очень мило.

В конце 60-х буйным цветом цвела дизайнерская схоластика. В моде было наукообразие. Все рисовали схемы: А в квадрате разделить на Б в квадрате и так далее.

И я, умирая со смеху, написал формулу: «Последствия стихийных бедствий обозначим буквой А. А равно сила стихийных бедствий С минус количество жертв В». Написал целый текст с огромным количеством формул. Мой научный руководитель был очень доволен.

1973

— Решил эмигрировать. Ушел из аспирантуры ВНИИТЭ и работал в эмелитомнике — в лаборатории по сбору яда для каких-то медицинских целей.

Одну ночь из трех надо было провести на раскладушке в клетке с ядовитыми змеями. Змеи были отгорожены сеткой, но очень громко шуршали. Платили 60 рублей в месяц.

Опасность меня не пугала. Но была одна неприятная процедура. Змей надо было кормить живыми лягушками. А с базы привозили лягушек не того размера. Змеи маленькие, а лягушки некондиционные, большие. Змеи заглатывали лягушек целиком, не пережевывая, и дохли. Поэтому с утра приходилось лягушек стричь ножницами в ведро. Я постир два раза и ушел.

1975

— Уезжать из страны передумал. Вячеслав Глазычев позвал в Институт теории и истории архитектуры, где как раз создавался отдел социологии. Из змеиного сторожа перекалвалифицировался в старшего научного сотрудника.

Мне поручили заниматься Генеральным планом реконструкции Москвы 1937 года. Это было замечательно. Я как раз собирался писать роман о жизни 1930-х, мне необходим был фактический материал.

Начал читать книги по архитектуре, постановления правительства. Попал в архив — и увлекся, прямо впал в запой научной деятельности.

«Культуру-2» я писал с 1975-го по 1979 год. Никогда в жизни больше не работал так серьезно. Позиция эстетского восхищения советской архитектурой, равно как и позиция обличения сталинского террора, казалась мне примитивной, поверхностной и неинтересной.

В начале было имя. И фамилия — Владимир Паперный. На толстой книжке, которая называлась «Культура-2» («Ардис», 1983). Книжка остроумнейшим образом описывала два типа советской культуры — условно говоря, революционного и сталинского времени.

Культуры, как легко догадаться, были диаметрально противоположны. Автор сравнивал их самые неожиданные проявления — отношение к дефективным детям, например. Количество исторических анекдотов на абзац текста не поддавалось исчислению. Тем не менее весь материал был вполне разумно систематизирован по самым простым категориям типа «горизонталь-вертикаль», «статика-динамика». Таким образом автор избежал дешевой назидательности и сравнений по схеме «хорошо-плохо».

Для отечественной гуманитарной мысли «Культура-2» стала событием. Она спровоцировала множество аналогичных трудов. «Тоталитарное искусство» Игоря Гломштока, «Утопия и обмен» Бориса Гройса — лишь самые яркие в этой волне. Владимир же Паперный оставался фигурой загадочной. В России появлялся редко. И в авторстве других выдающихся работ замечен не был.

Имя неожиданно всплыло в 1994 году. Вышел в свет журнал для дизайнеров «Да!». Статья Владимира Паперного была для первого его номера что яркий желтый галстук в зеленый горошек, припиленный к будничному серому костюму. В легкой и непринужденной манере он описал один день из жизни профессионального американского дизайнера.

Из статьи публика узнала, что автор «Культуры-2» по крайней мере жив. И неплохо преуспел не как ученый, но как дизайнер. Недавно Владимир Паперный прилетал на неделю в Москву. В мае в журнале «Знамя» опубликованы его рассказы. На прошлой неделе «Культура-2» вышла в свет в московском издательстве НЛО.

Надо было придумать что-то по-смешней.

Я штудировал «Полное собрание законов СССР» с 1917 года. Все сто томов подряд. Это было одно из самых замечательных чтений в моей жизни. Я наблюдал по текстам, как менялись лексика и тон. И на эти изменения нанизывались примеры из искусства и архитектуры. Вот в этом было мое изобретение, мой патент в этой книге.

Вячеслав Глазычев, прочитав готовую рукопись, сказал: «Вадик, все понятно, ты уезжаешь». Этот невинный текст был абсолютной крамоллой.

Лев Копелев и Раиса Орлова о книге отозвались так: «Вы описали время, в котором мы жили, но мы его не узнали». Они отправили рукопись своему личному издателю Карлу Профферу.

1981

— Америка. Я, моя вторая жена и двое детей эмигрировали. Надо было зарабатывать деньги. Из-за того, что я не защитил диссертацию, я не мог пойти преподавать в университет. Впрочем, не очень и хотелось.

Кому интересна в Америке русская культура? И вообще, мир американских университетов — это вовсе не то, что университеты европейские. Это мир на обочине.

Пришлось вернуться к своему амплуа самоидентификаций. Я считаю, что любой человек может заниматься чем угодно. Все профессии более или менее одинаковы: если ты умеешь делать что-то одно, научишься делать и другое.

Вначале я работал помощником художника в журнале. Выклеивал шрифты. Потом устроился в фирму, занимавшуюся производством декоративных подвесных потолков. Ее владельцу понравились мои работы в журнале. И он был бы рад меня взять, но у него была единственная вакантная должность — начальник отдела рекламы. Я похолодел от счастья: заняться рекламой — просто мечта. Ведь я об этом ничего не знаю.

«Но, — говорит мне хозяин фирмы, — вы же приехали из страны, где рекламы в принципе нет. Как вы можете ее делать?»

«Почему не могу? Самое страшное в рекламе — повтор готовых решений. По крайней мере, от этого я избавлен». Короче, я его уболтал. «Если вы можете себя продавать, то, вероятно, продать потолки не составит для вас трудности. Я готов рискнуть». Дальше был полный цирк. Он звонил, наводил справки, ему дали хорошие отзывы. Мы долго вели переговоры. Меня наняли.

В понедельник в девять утра прихожу на работу. Они уже напечатали мои визитные карточки — «Владимир Паперный, директор отдела рекламы». Вводят меня в потрясающий кабинет с декоративными потолками. Пять подчиненных ждут указаний. И тут я испугался. Стал их расспрашивать, а чем они занимались вчера? Очень хорошо, продолжайте делать то же самое.

Принялся судорожно читать какие-то бумаги. Чем больше читал, тем меньше понимал. Через неделю пришел к начальнику: «Должен вам признаться, что нахожусь в некоторой растерянности. Есть по крайней мере десять срочных вещей, которых я не понимаю, и поэтому не знаю, что делать». Моя честность привела его в восторг. Он стал меня учить. Через год я руководил отделом вполне осмысленно. Даже получал премии за рекламные разработки.

1983

— В издательстве «Ардис» вышла «Культура-2». В Америке ее прочли тридцать профессоров-славистов. Появились рецензии. Джон Боулт, специалист по русскому авангарду, отозвался восторженно. Положительно-кисловатую рецензию написал историк русской архитектуры Билл Бранфилд: «Паперный гасоптеур — балагур, рассказчик. Написано блистательно, живо, здорово, но, к сожалению, это не наука».

1991

— Развелся второй раз. Открыл собственную компанию — агентство графического дизайна. Моя фамилия есть во всех справочниках. Десять лет притворства дали результат.

Самое трудное и непонятное в бизнесе — поиск клиентов. Это искусство. Фокус состоит в том, чтобы найти клиента и все время поддерживать в нем хорошее расположение духа. Это как брак. Как сохранить семью? Покупать жене подарки, не грубить ей. А другую, может, наоборот — лучше раз в неделю бить. Это у всех по-разному.

Более того, если следовать каким-то руководствам по бизнесу, можно здорово ошибиться.

Я учился в университете, изучал маркетинг, много знаю про теорию бизнеса. У меня были вышколенная секретарша, отвечавшая по телефону без русского акцента, и личный агент, тоже урожденный американец. Выглядело все идеально. Но я еле сводил концы с концами.

Это как раз никому не нужно и неинтересно. Хороших дизайнеров пруд пруди. Для успеха неважно, хороший ты дизайнер или плохой. Выбирают тех, с кем по каким-то причинам приятно работать. При этом хорошо иметь хорошие работы. Плохие труднее продать. Но можно.

Как только я это понял, а на это ушло пятнадцать лет, я перестал притворяться, уволил секретаршу и агента. Звоню сам и все переговоры веду от своего лица. Когда вместо «мы» говоришь «я», все сразу становится просто. Я перестал арендовать офис, работаю дома. Мои будущие клиенты приходят ко мне в гости. Мы становимся партнерами, а чаще всего — друзьями.

Сейчас у меня живет мама, которая не говорит по-английски. Я ее представляю. По классическим нормам бизнеса это совершенно недопустимо — какая-то мама... Все должно быть солидно, стерильно и деловое. И это правильно. Но не для меня.

1996

— Знакомый уговорил купить горный велосипед, маунтин байк. Мы подымаемся по страшным кручам Санта-Моники, что требует чудовищных физических усилий. Вниз ехать страшно, вверх — трудно.

Хочу привезти в Россию группу фотографов, художников и дизайнеров, работающих в рекламе. Я сотрудничаю с фирмой World Book. Ежегодно она издает два огромных тома работ рекламных художников. Этот справочник рассылается по агентствам. Самых достойных мы хотим пригласить в Россию. Сейчас ищем в Москве заинтересованных партнеров.

Пишу роман. По-русски. Меня очень занимает проблема разности культур — русской и американской. У нас диаметрально разные национальные характеры. Американцы очень серьезно относятся к системе контракта. Даже случайные половые связи всегда принимают форму устного договора.

Мой приятель, университетский профессор, пригласил секретаршу в ресторан. Проводил ее домой и зашел на чашку кофе. Дальше происходит диалог: «Вы хотите лечь со мной в постель?» Для него это было неслыханно. «Ну, вообще, конечно». «Хорошо. Но нам надо оговорить три обстоятельства. Во-первых, постельное белье трехдневное. Во-вторых, я хочу, чтобы вы презервативом. А третья, я привыкла спать одна. Не могли бы вы уйти в двенадцать». Надо ли говорить, что у моего приятеля пропало всякое желание. Не было драмы.

В России серьезно относятся не к контракту, а к отношениям, чувствам. Это не плохо, но не всегда комфортно.